

Сказка Туве Янссон " Муми-папа и море " Глава пятая - Туман

Собственно, Муми-мама не сказала ничего ужасного и, уж конечно, ничего такого, что должно было бы привести Муми-папу в раздражение. Муми-папа не смог бы вспомнить, что именно она сказала, даже ради спасения жизни. Это касалось семьи, имеющей вполне достаточно рыбы.

Для начала, она не пришла в должный восторг от щуки. У них не было весов, но любой мог сказать, что щука весит больше шести фунтов – ну, пять уж точно. Когда ловишь окуней одного за другим только потому, что хочешь обеспечить семью, поимка щуки – событие. А потом она заявила, что рыбы слишком много.

Она как всегда сидела у окна, рисуя цветы на подоконнике. Он уже был весь в цветах. Внезапно, не глядя ни на кого в отдельности, Муми-мама сказала, что просто не знает, куда девать рыбу, которую он приносит. Или что у них больше нет посуды, чтобы хранить рыбу. Или что неплохо было бы поесть кашу для разнообразия. Что-то в этом роде.

Муми-папа поставил удочку в угол и вышел прогуляться по берегу, но на этот раз не к мысу рыболова.

Стоял облачный спокойный день. Поверхность воды, вздувшуюся под восточным ветром, трудно было разглядеть – она была такая же серая, как небо, и напоминала шелк. Несколько уток быстро пролетели над самой водой, направляясь по своим собственным делам. Муми-папа шел одной лапой по скале, а другой по морю, его хвост волочился по воде. Шляпу смотрителя маяка он натянул на самый нос. Муми-папа гадал – будет шторм или нет. Настоящий шторм. Тогда можно было бы метаться, спасая вещи, и следить, чтобы семью не смыло в море. Потом влезть на башню маяка и посмотреть, как силен ветер... вернуться вниз и сказать: "Сила ветра – тринадцать. Мы должны сохранять спокойствие. Мы ничего не можем сделать сейчас..."

Малышка Мю ловила колюшек.

– Почему ты не рыбачишь? – спросила она.

– Я бросил рыбалку, – ответил Муми-папа.

– И, должно быть, вздохнул с облегчением, – заметила Малышка Мю. – Тебе, наверное, это ужасно надоело?

– Ты права! Это в самом деле мне страшно наскучило. Почему я сам этого не заметил? – удивился Муми-папа.

Он пошел на место смотрителя маяка и уселся там, размышляя: "Я должен заняться чем-то другим, совершенно новым. Чем-то потрясающим".

Но он сам не знал, что хочет делать. Он был сбит с толку и растерян. Это напомнило ему давний случай, когда дочка Гафсы выдернула коврик у него из-под ног. Или когда хочешь сесть на стул, а садишься мимо. Нет, и это не было похоже. Ему казалось, будто его провели.

Чем дальше он сидел на скале, глядя на шелковистую поверхность моря, которое отказывалось раскачать себя в шторм, тем сильнее становилось чувство, что он обманут кем-то или чем-то. "Только погодите, – бормотал он. – Я выясню, я докопаюсь до сути..." Он не знал, имел ли он в виду море, остров или черное озеро. Возможно, он говорил о маяке или смотрителе маяка. В любом случае, это звучало угрожающе. Он озадаченно потряс головой и направился к черному озеру. Там он продолжал думать, уткнувшись носом в лапы. Время от времени волны перехлестывали через перемычку и исчезали в черной зеркальной воде озера.

"Вот так морская вода проникала в озеро тысячи лет, – думал он. – Волны приносили сюда кусочки пробки, коры, щепки и уносили их обратно. Так, должно быть, повторялось много, много раз... Пока в один прекрасный день... – Муми-папа поднял нос, и неожиданная идея пришла ему в голову. – Что если в один прекрасный день волны принесли сюда что-то по-настоящему большое и тяжелое, может, обломок кораблекрушения, оно затонуло и осталось на дне навсегда!"

Муми-папа вскочил. Сундук с сокровищем, например. Или ящик контрабандного виски, или скелет пирата. Что угодно! Озеро, наверное, наполнено самыми невероятными вещами!

Муми-папа был ужасно счастлив. Он сразу ожил. В нем что-то проснулось – будто стальная пружина распрямилась, приводя в движение чертика в коробочке. Он бросился домой, взлетел по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, распахнул дверь и закричал:

– У меня идея!

– Да что ты! – воскликнула стоящая у плиты Муми-мама. – Хорошая?

– Еще бы, – ответил Муми-папа. – Это великая идея. Садись, я тебе все расскажу.

Муми-мама села на один из пустых ящиков, и Муми-папа поведал ей о своей идее. Когда он закончил, Муми-мама восхитилась:

– Да ведь это потрясающе! Только ты мог такое выдумать. Там может быть все что угодно!

– Точно, – сказал Муми-папа. – Все, что хочешь. – Они посмотрели друг на друга и рассмеялись.

– Когда ты собираешься начать поиски? – спросила Муми-мама.

– Немедленно, конечно. Я тщательно обшарю озеро. Но сначала необходимо узнать его глубину. Нужно перетащить лодку в озеро.

Понимаешь, если я попытаюсь все это вытащить на скалу, оно может опять свалиться вниз. И очень важно добраться до середины озера. Именно там находится самое лучшее.

– Тебе помочь? – спросила Муми-мама.

– О, нет. Эту работу я сделаю сам. Нужно найти отвес. – Он поднялся по лестнице через люк в ламповую комнату, не обращая ни малейшего внимания на лампу, и полез выше, на чердак. Вскоре он вернулся с веревкой в лапах и спросил: – У тебя есть что-нибудь, что можно использовать как груз? – Муми-мама кинулась к плите и дала ему утюг.

– Спасибо, – сказал Муми-папа и исчез в дверном проеме. Она услышала, как он спускается по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Потом все стихло.

Муми-мама присела у стола и засмеялась.

– Как замечательно, – сказала она. – Какое облегчение!

* * *

Муми-тролль лежал на своей поляне, глядя на ветви берез, колышущиеся вверх. Они пожелтели и были прекраснее, чем когда-либо. Он сделал три отдельных хода в свой дом: парадный ход, черный ход и ход для экстренных случаев, если внезапно придется бежать. Он терпеливо впледел ветки в зеленые стены дома; то, что он сам навел здесь порядок, делало поляну его собственностью.

Муми-тролль больше не думал о муравьях. Они стали частью земли под ним. Запах керосина исчез, и новые цветы выросли там, где погибли старые. Муми-тролль считал, что по лесу бегают тысячи счастливых маленьких муравьев, наслаждающихся сахаром. Все было в порядке.

Но нет – он думал о морских лошадях. С ним что-то произошло. Он стал совсем другим троллем с совершенно другими мыслями. Ему нравилось быть одному. Было гораздо увлекательней играть в игры в своем воображении, размышлять о себе, морских лошадях и лунном свете; и тень Морры тоже всегда присутствовала в его мыслях. Он знал, что она все время где-то рядом. Она выла по ночам, но это не имело значения. Во всяком случае, так он думал.

Он собрал целую коллекцию подарков для морских лошадей. Красивые камешки, кусочки стекла, отполированные морем, как драгоценные камни. Несколько гладких медных грузил, найденных в тумбочке смотрителя маяка. Он гадал, что скажет морская лошадь, когда он отдаст ей все это, и придумал множество изысканных и поэтичных фраз, которые он произнесет в ответ.

Он ждал, когда вернется луна.

* * *

Муми-мама давно разложила привезенные из дома вещи. В уборке не было особой необходимости. Тут совсем не было пыли, да и не следует придавать уборке слишком большого значения. Готовить пищу тоже было легко, если подходить к этому в высшей степени легкомысленно. И вот дни стали казаться не по-хорошему длинными.

Складывать головоломку она не хотела: это напоминало бы ей, как она одинока.

Однажды она стала собирать древесину. Она подбирала каждую палочку, пока берег не очистился от всего, что выбросило море.

Постепенно она собрала большую кучу бревен и дощечек. Ей нравилось, что при этом она приводила в порядок остров, тогда она могла

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

думать о нем как о саде, который можно прибирать и украшать.

Она сама снесла все в выбранное место с подветренной стороны маяка. Здесь она сбивала козлы для распилки дерева. Они вышли слегка кривобокими, но вполне годились для работы, если придерживать их лапой.

В эти мягкие осенние дни Муми-мама все пилила и пилила. Она отмеряла каждый кусочек дерева, чтобы они были одного размера, и аккуратно укладывала их полукругом. Деревянная стена все росла, пока наконец Муми-мама не очутилась в своем собственном замкнутом пространстве, что давало ей приятное чувство защищенности. Она складывала сухие палки возле плиты, но у нее не хватало сил, чтобы справиться с большими бревнами. Она никогда не управлялась с топором особенно хорошо.

Неподалеку росла маленькая рябина, к которой Муми-мама очень привязалась. Рябину сплошь усыпали красные ягоды, которых было, пожалуй, много для такого маленького деревца. Муми-мама складывала около нее лучшие поленья. Муми-мама много знала о деревьях, она могла определить дуб и джакаранду, она узнавала бальзу, оregonскую сосну и красное дерево. У деревьев был различный запах, и на ощупь они были разными. Все они попали к ней после долгого, долгого путешествия.

– Джакаранда и палисандр, – бормотала про себя глубоко удовлетворенная Муми-мама и продолжала пилить.

Остальные привыкли к этому ее занятию, и она постепенно скрывалась за деревянной стеной. Вначале Муми-папа очень расстроился и захотел собирать бревна сам. Но Муми-мама рассердилась и сказала:

– Эта работа – моя. Я тоже хочу играть! – И она пилила, пилила, каждое утро обходя остров в поисках новых кусков дерева.

В одно серое тихое утро Муми-мама нашла на берегу ракушку – большую коническую ракушку, розовую внутри и светло-коричневую с темными пятнами снаружи.

Муми-мама удивилась и обрадовалась. Ракушка лежала высоко на берегу, хотя вода так не поднималась уже неделю. Чуть поодаль от первой ракушки Муми-мама нашла белую, из тех, что кладут на клумбы в саду. Собственно, весь берег был усыпан ракушками – маленькими и большими, и самое замечательное, что на одной из них можно было прочесть: "Дар моря", написанное крохотными буквами.

Муми-мама удивилась еще больше и начала собирать ракушки в передник, а потом пошла показать их Муми-папе, который занимался исследованием черного озера.

Он лежал, перегнувшись через борт лодки, и казался очень маленьким с вершины скалы. Лодка дрейфовала, и весла тянулись за ней по воде.

– Иди-ка взгляни! – позвала Муми-мама.

Муми-папа подгреб к берегу.

– Смотри! Настоящие ракушки! Я нашла их высоко на берегу, еще вчера их там не было!

– Это очень странно, – сказал Муми-папа, выбивая свою трубку о скалу. – Одна из тайн моря. Иногда я поражаюсь, когда думаю о том, как загадочно оно ведет себя. Ты говоришь, они лежали высоко на берегу и еще вчера их там не было? Значит, море может за несколько часов подняться на целый ярд и опять опуститься. Хотя здесь нет таких приливов, как на юге. Очень интересно, действительно очень интересно! А эта надпись – она открывает неограниченные возможности. – Он посмотрел на Муми-мату очень серьезно. – Знаешь, я должен хорошенько разобраться в этом и написать книгу. Обо всем, что связано с морем, с настоящим морем. Я хочу узнать о море все, что можно. Пристани, дорожки, рыбалка – для недалеких людей, которых не волнуют по-настоящему большие вопросы. – Он повторил очень важно: – По-настоящему большие вопросы. – Это звучало так впечатляюще. – Это черное озеро натолкнуло меня на эти мысли.

– Оно глубокое? – спросила Муми-мама, широко раскрывая глаза.

– Очень, – ответил Муми-папа. – Веревка еле достает до дна. Вчера я вытащил эту металлическую канистру, которая доказывает, что мои гипотезы верны.

Муми-мама кивнула. Чуть погодя она сказала:

– Пожалуй, пойду и разложу ракушки в саду.

Муми-папа не ответил, он углубился в размышления и гипотезы.

* * *

В это самое время Муми-тролль сжигал в Мумимаминой печи пустую коробку из-под ракушек. Не стоило хранить ее теперь, когда она опустела. Он нашел ее на дне ящика в тумбочке, того самого ящика, который Муми-мама не хотела открывать, потому что там находилось личное имущество смотрителя маяка.

* * *

Металлическая канистра была ржавой и поломанной и, наверное, никогда не содержала ничего интереснее, чем скипидар или масло. Но это было доказательство. Черное озеро оказалось тайником, где море прятало свои секреты. Муми-папа твердо верил, что эти тайны ждали его на дне. И если он до них доберется, то сумеет понять море и все встанет на свои места. И он, Муми-папа, тоже найдет свое место.

Итак, Муми-папа продолжал прочесывать озеро упрямо и целеустремленно, снова и снова опуская отвес в воду. Он называл середину озера "Неизмеримые глубины". "Неизмеримые глубины", – шептал он про себя и чувствовал, как от этих магических слов по спине пробегает холодок.

В большинстве случаев веревка останавливалась на различной глубине. Но иногда она опускалась и опускалась, не достигая дна, несмотря на Мумипапины усилия. Лодка была полна спутанных веревок: бельевая веревка, леска от удочки, якорный канат и все кусочки веревки, которые ему удалось заполучить, на самом деле предназначенные совсем для других целей. Но с веревками всегда так.

Муми-папа разработал теорию, согласно которой озеро было дырой, ведущей к центру земли; что оно было кратером потухшего вулкана. В конце концов он стал записывать свои гипотезы в старой школьной тетрадке, которую нашел в кладовке. Некоторые страницы тетради были заполнены записями смотрителя маяка – маленькие слова с большими промежутками между ними, похожие на следы паука, пробежавшего по бумаге.

– "Весы на подъеме; Луна в седьмом доме, – читал Муми-папа. – Сатурн в соединении с Марсом". Возможно, у смотрителя маяка все-таки бывали гости. Хоть какое-то развлечение. – Дальше шли цифры, которые Муми-папа и вовсе не понял. Он перевернул тетрадь и начал писать с другой стороны. В основном он чертил планы черного озера – вид в разрезе, вид с высоты птичьего полета – и с головой погружался в сложные вычисления и объяснения перспективы.

Муми-папа больше не говорил о своих исследованиях так много. Постепенно он перестал прочесывать озеро. Вместо этого он сидел на уступе смотрителя маяка и думал. Иногда он делал в тетради заметки об озере и море.

Например, он писал: "Морские течения – удивительное и замечательное явление, которому никто не уделял должного внимания", или "Движение волн всегда изумляет нас...", затем он ронял школьную тетрадь и терялся в нескончаемой веренице глубоких мыслей.

Туман прокрался на остров. Он выполз из моря, и никто не заметил его прихода. Внезапно все оказалось завернутым в бледную серую пелену, и казалось, уступ смотрителя маяка плывет одинокий и покинутый в шерстяной пустоте.

Муми-папа любил прятаться в тумане. Он немного спал – пока его не будил крик чайки. Тогда он поднимался и бродил по острову, бесплодно размышляя о течениях и ветрах, о происхождении дождя и штормов, о глубоких ямах на дне моря, которые невозможно измерить.

Муми-мама видела, как он появляется из тумана и опять исчезает в нем с задумчиво опущенной головой. "Он собирает материалы, – думала она. – Во всяком случае, он так говорит. Наверное, его тетрадь полна материалов. Я вздохну с облегчением, когда он закончит!" Она отсчитала пять конфеток и положила их в вазочку. Потом пошла и поставила ее на уступ в скале, чтобы развеселить Муми-папу.

* * *

Муми-тролль лежал в подлеске, пристально глядя в маленький пруд. Он опускал серебряную подкову в чистую коричневую воду и наблюдал, как она становится золотой. Он видел ветки и траву, отражавшиеся в воде: очень маленький перевернутый пейзаж. Ветки четко выделялись в тумане, и можно было разглядеть даже самое маленькое существо, бегающее вверх и вниз.

Муми-тролль испытывал отчаянную потребность рассказать кому-нибудь о морской лошади. Просто описать, как она выглядит. Или поговорить о морских лошадях вообще.

Два маленьких червячка залезли на ветку. Муми-тролль дотронулся до поверхности воды, и миниатюрный пейзаж исчез. Он встал и зашагал к лесу. Прямо с краю во мху виднелась утоптанная тропинка. "Тут, наверное, и живет Малышка Мю", – подумал Муми-тролль. Он услышал шорох. Она была дома.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Муми-тролль шагнул вперед. Опасное желание довериться кому-нибудь было как ком в горле. Он согнулся и пополз под ветками. Там она и сидела, свернувшись, как крохотный шарик.

– Ты здесь, я вижу, – сказал он довольно глупо. Он опустился на мох и устался на нее.

– Что у тебя в лапе? – спросила Малышка Мю.

– Ничего, – ответил Муми-тролль, разрушая таким образом свой открытый гамбит. – Я просто проходил мимо.

– Да ну! – сказала Малышка Мю.

Он огляделся по сторонам, чтобы избежать ее критического взгляда. Рядом был ее плащ, висевший на сучке. Чашка с сушеными сливами и изюмом. Бутылка фруктового сока...

Муми-тролль вздрогнул и наклонился вперед. Чуть поодаль, под ветками, земля была ровной и покрытой слоем сосновых иголок, и, насколько его глаза видели в тумане, тянулись ряды крохотных крестов. Они были сделаны из палочек, поломанных и связанных.

– Что ты наделала? – закричал он.

– Думаешь, здесь я закапываю своих врагов? – отозвалась польщенная Малышка Мю. – Это могилы птиц. Кто-то хоронил их здесь десятками.

– Откуда ты знаешь? – спросил Муми-тролль.

– Я смотрела, – объяснила Малышка Мю. – Маленькие белые скелеты, такие же, как мы нашли у ступенек маяка в первый день на острове. Помнишь: "Месть забытых костей".

– Это смотритель маяка, – сказал Муми-тролль.

Малышка Мю кивнула, тряхнув тугим пучком волос.

– Они летели на свет, – медленно сказал Муми-тролль. – Птицы всегда так делают... И погибали. Наверное, смотритель маяка подбирал их каждое утро. И однажды он понял, что с него хватит, погасил маяк и ушел прочь. Как ужасно! – воскликнул он.

– Это было давно, – зевнула Малышка Мю. – Все равно маяк уже погас.

Муми-тролль смотрел на нее, наморщил нос.

– Не надо так переживать из-за всего, – сказала она. – А теперь беги отсюда. Я собираюсь вздремнуть.

Когда Муми-тролль выбрался из чащи, он раскрыл лапу и взглянул на подкову. Он ничего не сказал о маленькой морской лошади. Она все еще принадлежала ему одному.

* * *

Луна еще скрывалась в тумане, штормовой фонарь не горел, но Муми-тролль все равно пошел на берег. Почему-то не мог удержаться. Он принес с собой подкову и подарки.

Его глаза привыкли к темноте, и он увидел морскую лошадь, выходящую из тумана, как фантастическое существо в сказке. Едва осмеливаясь дышать, он положил подкову на берег.

Расплывчатая фигура приблизилась маленькими танцующими шагами. Она ступила в подкову с рассеянным видом светской дамы, и стояла, отвернувшись от Муми-тролля, ожидая, когда подкова прочно встанет на место и прирастет.

– Мне нравится твоя челка, – негромко сказал Муми-тролль. – У одной моей подруги такая же. Может быть, она приедет погостить... Я думаю, тебе понравились бы мои друзья.

Судя по молчанию маленькой морской лошади, это ее не интересовало.

Муми-тролль попробовал снова:

– Острова прекрасны ночью. Это папин остров, но я не знаю, будем ли мы жить здесь всю жизнь. Иногда мне кажется, что остров не любит нас. Но главное, чтобы ему понравился папа...

Она не слушала. Она не хотела знать о его семье.

Тогда Муми-тролль разложил на песке свои дары. Морская лошадь подошла чуть ближе и понюхала их, но ничего не ответила.

Наконец он нашел, что сказать:

– Ты прекрасно танцуешь.

– Ты так думаешь? Да? – отозвалась она. – Ты ждал меня? В самом деле? Ты не думал, что я приду, правда?

– Ждал ли я тебя! – вскричал Муми-тролль. – Я ждал и ждал, я так волновался, когда штормило... Я хочу защищать тебя от всех опасностей! У меня есть собственное маленькое гнездышко, я повесил там твой портрет. Это единственное, что будет там висеть...

Морская лошадь внимательно слушала.

– Ты самое прекрасное создание, какое я видел в жизни, – продолжал Муми-тролль, и в этот самый момент завывала Морра.

Она сидела там, в тумане, и выла из-за фонаря.

Маленькая лошадь подалась назад и исчезла, оставив позади себя маленькие жемчужины смеха. Целая нитка жемчужин протянулась за ней, когда она прыгнула в море.

Морра, шаркая ногами, вышла из тумана и направилась к Муми-троллю. Он повернулся и побежал. Но сегодня Морра не остановилась на берегу. Она последовала за Муми-троллем на остров, через вереск, прямо к маяку. Он видел, как она двигалась огромной серой тенью, потом остановилась и в ожидании скрючилась у скалы.

Муми-тролль захлопнул за собой дверь и с колотящимся сердцем взбежал по винтовой лестнице. Случилось: Морра пришла на остров!

Муми-папа и Муми-мама не проснулись, в комнате было тихо. Но он чувствовал, как тяжесть проникает через окно, и остров бормочет, ворочаясь во сне. Он слышал, как испуганно шуршат листья осин и кричат чайки.

– Не можешь заснуть? – спросила Муми-мама.

Муми-тролль закрыл окно.

– Я проснулся, – сказал он и забрался в постель. Его нос онемел от холода.

– Похолодало, – сказала Муми-мама. – Хорошо, что я напилась дров. Тебе холодно?

– Нет, – сказал Муми-тролль.

Она сидит, источая мороз, под самым маяком. Она такая холодная, что земля под ней превращается в лед... Вот оно опять. Чувство, от которого Муми-тролль не мог избавиться, пробралось в душу. Так легко было представить того, кто никогда не согреется, кого никто не любит и кто уничтожает все вокруг себя. Это нечестно. Почему Морра должна все время висеть именно на его шее? Он ведь не мог помочь ей согреться!

– Ты расстроен? – спросила Муми-мама.

– Нет, – ответил Муми-тролль.

– Что ж, завтра будет еще один хороший долгий день, – сказала Муми-мама. – И весь он твой – от начала до конца. Разве это не здорово!

Вскоре Муми-тролль понял, что Муми-мама заснула. Он выкинул из головы все мысли и начал свою ежевечернюю игру. Сперва он не мог решить, играть в "Приключение" или в "Спасение". В конце концов он остановился на "Спасении", это было как-то более реально. Он закрыл глаза и очистил свое сознание. А затем начал думать о шторме.

У пустынного каменистого берега – скорее всего, это остров, – Бушует Шторм. Все бегает взад-вперед по берегу и размахивают лапами – кто-то попал в Беду... Никто не осмеливается выйти в море; это невозможно. Любую лодку мгновенно Разобьет Вдребезги.

Но на этот раз Муми-тролль спасает не Муми-мату, а морскую лошадь.

Кто это борется с волнами? Не маленькая ли Морская Лошадь с Серебряной Подковой бьется с морским змеем? Нет, змей – это уж слишком. Вполне достаточно шторма.

Небо желтое, настоящее Штормовое Небо. А вот он сам спускается на берег. С Великой Решимостью он бежит к одной из лодок... Все кричат: "Остановите его! Остановите его! Ему не справиться! Держите его!" Но, растолкав всех, он спускает лодку на воду и гребет, как одержимый. Из воды вздымаются Скалы, как Огромные Черные Зубы... но он не испытывает Страх. Малышка Мю кричит с берега: "Я и не знала, что он такой Смелый! О, как я раскаиваюсь во всем!". Но Слишком Поздно!.. Снусмумрик грызет свою старую трубку и бормочет: "Прощай, Старый Друг". Но он пробивается все дальше и дальше – туда, где маленькая Морская Лошадь уже была близка к тому, чтобы уйти под воду в Третий Раз. Он втаскивает ее в лодку, и она лежит там Обессиленная, ее мокрая Золотая Грива растрепана. Он благополучно доставляет ее на отдаленный и пустынный берег. Она шепчет: "Ты рисковал своей Жизнью ради меня. Какой ты Смелый!" Он отчужденно улыбается и говорит: "Я должен покинуть тебя здесь. Наши пути расходятся. Моя Судьба зовет меня. Прощай!" Морская Лошадь в изумлении глядит, как он уходит прочь. Она Потрясена. "Как! – восклицает она. – Ты оставляешь меня?" Он машет ей и уходит, Одиноким, по скалам навстречу Шторму, становясь все меньше и меньше... Все стоящие на берегу поражены и говорят друг другу...

Но на этом месте Муми-тролль заснул. Он счастливо вздохнул и свернулся клубком под теплым красным одеялом.

– Куда делся календарь? – спросил Муми-папа. – Я должен поставить крестик. Это очень важно.
– Почему? – спросила Малышка Мю, влезая в окно.
– Я должен знать, какой сегодня день, – объяснил Муми-папа. – Мы забыли привезти часы, что было ошибкой. Невозможно жить, не зная, воскресенье сегодня или среда. Так нельзя.
Малышка Мю вдохнула через нос и выдохнула сквозь зубы – этот ее ужасный жест, означавший: "Никогда ничего глупее не слышала". Муми-папа понял, что она имела в виду. Поэтому он уже был порядком рассержен, когда Муми-тролль сказал:
– Собственно, это я одолжил календарь на время.
– Есть вещи, которые чрезвычайно важны, когда живешь на острове, – заявил Муми-папа. – И в особенности – надлежащим образом вести журнал наблюдений. Ничем нельзя пренебрегать, все нужно учитывать: время, направление ветра, уровень воды – все. Ты должен немедленно вернуть календарь.
– Хорошо! Ладно! – громко сказал Муми-тролль. Он проглотил свой кофе и затопал вниз по ступенькам в холодное осеннее утро. Все еще стоял туман. Огромная колонна маяка скрывалась в нем, верхушка была невидима. Где-то наверху, в клубящемся тумане, сидела семья, которая совсем не понимала Муми-тролля. Он был сердит, хотел спать и в данный момент его ни капельки не волновали Морра, морские лошади и, если уж на то пошло, его домашние.
У подножия маяка он немного проснулся. Этого надо было ожидать – из всех возможных мест Морра выбрала Мумимамином сад. Интересно, просидела ли она здесь больше часа? Он надеялся, что нет. Розовые кусты побурели. На мгновение совесть Муми-тролля ударила его хвостом, но потом он опять сделался сердитым и сонным. "Ха! В самом деле, календари. Ставить крестики! Что дальше!" Как может старый тролль вроде Муми-папы понять, что портрет морской лошади – это портрет самой Красоты, которую видит только он, Муми-тролль.
Он забрался в чашу и снял календарь с ветки. Календарь покоробился от сырости. Муми-тролль выбросил раму из цветов и присел на минуту, его голова была полна неясных мыслей.
И внезапно он решил: "Я перееду сюда! Пусть они себе живут в старом грязном маяке с его ужасными ступеньками и считают проходящие дни".
Это была будоражащая перспектива – новая, опасная и замечательная. Это меняло все. Его ожидали новая грусть и новые неизведанные возможности.
Он заоченел от холода, пока добрался до дома. Положил календарь на стол. Муми-папа немедленно подошел и поставил крестик в верхнем углу.
Муми-тролль сделал глубокий вдох и заявил со всей смелостью, на которую был способен:
– Я переезжаю жить в другое место.
– Снаружи? Ну конечно, – откликнулась Муми-мама, не обратив на его слова особого внимания. Она сидела у северного окна и рисовала жимолость. – Хорошо. Можешь, как обычно, взять свой спальный мешок. – Рисовать жимолость было очень сложно. Муми-мама надеялась, что помнит, как она выглядит. Жимолость не растет у моря. Ей нужно теплое и защищенное место.
– Мама, – сказал Муми-тролль и почувствовал, что у него пересохло горло, – это не как обычно.
Но Муми-мама не слушала. Она ободряюще хмыкнула и продолжала рисовать.
Муми-папа считал крестики. Он не был уверен насчет пятницы. Он мог поставить два крестика в этот день, потому что он забыл сделать один в четверг. Что-то отвлекло его, так что он не был уверен. Что он делал в этот день? Дни перепутались и кружились, и кружились в голове. Это было все равно что ходить вокруг острова по одному и тому же берегу и не приходить никуда.
– Хорошо! – сказал Муми-тролль. – Я возьму спальный мешок и штормовой фонарь.
За окнами проплывал туман. Казалось, что все они движутся куда-то вместе с комнатой.
– Мне нужно немного голубой краски, – сказала себе Муми-мама. Ее жимолость вырастала из окна и вилась по белой стене, где смело раскрывалась в очень тщательно вырисованный цветок.